

Новые приключения историка Георгия Вернадского

А. Ю. Дворниченко

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Новые приключения историка Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 795–812. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.220>

Жизнь и творчество выдающегося историка русского зарубежья Георгия Владимировича Вернадского — своего рода странствование сквозь время и пространство, события и эпохи, изобилующее драматическими коллизиями. Не менее напряженным оказался и процесс изучения его жизни и творчества, начавшийся в России только в начале 90-х гг. XX в. — до этого времени имя «младшего Вернадского» в СССР было фактически под запретом. Продолжается это изучение и в наши дни. В 80-е гг. XX в. единственным исследованием, посвященным жизни и творчеству Вернадского, была работа американского историка Чарльза Гальперина. Собственно, им было создано в те годы два труда: сравнительно небольшая статья и статья монографического формата. Эти работы составляют основу изучения жизни и творчества Г. В. Вернадского в американской историографии и ныне. Рецензия посвящена анализу перевода на русский язык и публикации работы Гальперина 1985 г. совместно с недавно вышедшей в свет статьей о современных достижениях в изучении Вернадского. Автор рецензии подверг критике качество перевода работы американского автора и остановился на ряде спорных проблем. На оценку творчества русского историка Гальпериним сильно повлияло отрицательное отношение к евразийству. Между тем, по мнению автора рецензии, евразийство Вернадского, не имея отношения к политической борьбе, отнюдь не принижает значения его концепции истории России, а, наоборот, придает ей оригинальность и убедительность. Проявившаяся в последнее время тенденция в работах Гальперина более позитивной оценки творчества Вернадского должна получить дальнейшее развитие. Удивление вызывает его поддержка сомнительных рассуждений некоторых современных украинских авторов об украинской идентичности Георгия Вернадского. Вывод статьи таков: работа известного американского русиста, игравшая уникальную роль в изучении творчества Г. В. Вернадского в последней четверти XX — начале XXI в.,

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Doctor in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant No. 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

будет полезна нашему читателю и сейчас. Она, будем надеяться, органично войдет в российский историографический контекст.

Ключевые слова: Георгий Вернадский, жизнь и творчество, Чарльз Гальперин, перевод, евразийство, украинская идентичность.

The new Adventures of the Historian George Vernadsky

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. The new Adventures of the Historian George Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 2, pp. 795–812. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.220> (In Russian)

A study of Vernadsky's legacy is a very dramatic process. It is full of strange contradictions. In Russia, the research began only in the last decade of the previous century and is still in progress. In the USA, the life and scholarly works by George Vernadsky attracted the attention in the previous decade. It resulted in two articles, the best and the only outcome, written by the famous specialist in the Russian history and historiography Charles Halperin. This review is devoted to the publication of a translation of the biggest article by Halperin (1985), and a translation of his recent article from one of the Russian historical journals. The author of this review questions the quality of the translation and critically comments on it. According to the author, Halperin's perception of Vernadsky was influenced by his negative attitude to Eurasianism. But Vernadsky never was a participant of this political movement, moreover, he was against it. As for his scholarly ideas, it can be said that Eurasianism was one of the best explanation of the Russian historical process. Recently, Halperin's opinion about the significance of Vernadsky's legacy has been improved, and we hope that this trend will continue to strength. Surprisingly, however, Halperin supported some doubtful ideas by some Ukrainian authors who found a certain Ukrainian identity in Vernadsky. The author of review cannot see any trace of such connections between this statement and Vernadsky's deep love for the Ukrainian history and culture. The author's conclusion is that the translation of the work by the famous American historian will be currently very useful to the Russian readers.

Keywords: George Vernadsky, life and scientific work, Charles Halperin, translation, Eurasianism, Ukrainian identity.

Есть явления жизни, науки и культуры, которые всегда будут привлекать к себе внимание людей. Более того, они, как выдержанное вино или старинные картины с их потемневшим красочным слоем, привлекают это самое внимание все больше и больше. Такой «монадой» (если пользоваться терминологией Г. В. Лейбница) является «Феномен Г. В. Вернадского». Здесь я хотел бы подчеркнуть именно историографическую сторону данного феномена, ибо изучение творчества историка — своего рода приключение, которое отражает столкновение многих научных трендов, завязанных, в свою очередь, на историю России и других стран¹. Георгий всегда

¹ А если к этому добавить долгие странствия ученого, то, может быть, станет понятно мое первоначальное решение назвать свою книгу о Г. Вернадском «Русский историк Георгий Вернадский. Необычайные путешествия и приключения в мире людей, идей и событий». Но в издательстве «Евразия» мне намекнули, что я — не Дефо, а мой герой — не Робинзон Крузо, за что я им очень признателен. Однако бренд «путешествий» все равно остался, и я потом обнаружил, что даже и не первый, кто так определял жизнь и творчество историка.

становился объектом разного рода противоречий и конфликтов, почву которых понять бывает довольно трудно. Одно дело, когда это советская неприязнь к «белогвардейцу», совсем другое — какие-то, на первый взгляд непонятные, «наскоки» в США, в смысле которых исследователю (особенно россиянину) разобраться тяжело. Впрочем, в задачу данной рецензии не входит подробное изложение историографии, посвященной младшему Вернадскому, ведь данная работа посвящена конкретному сочинению².

И все-таки от истории изучения вышеназванного феномена никуда не уйдешь. Тут заметна довольно четкая граница: до «перестройки» и после. Это когда о нашей стране рассуждаем. В «перестройку» наступил «настоящий взрыв интереса к русскому зарубежью»³. В вибрациях упомянутой «взрывной волны» вспыхнул интерес и к Георгию Вернадскому. Прежде всего ему старались найти место в привлечшем всеобщее внимание евразийстве. Выделили (на мой взгляд, довольно искусственно) и такую грань его феномена, как общественно-политические взгляды⁴. Особо отмечу работу Н. Е. Соничевой, которая написала на данную тему кандидатскую диссертацию, ряд статей и даже брошюру⁵. Это способный исследователь: создала довольно цельную и адекватную картину жизни и творчества ученого, используя примерно 20 % тех материалов, которые можно привлечь для написания такой картины. Как видим, Георгий послужил благодатной темой для создания работ, которые один из моих учителей называл «пропуском в науку». Вообще это были первоходцы!

В такой роли выступил и известный историк В. Н. Козляков, издавший «Русскую историографию» Вернадского, а также написавший к ней статью и (главное!) давший прекрасный обзор «американской коллекции» документов историка⁶. К сожалению, для него эта тема осталась проходной... Как, впрочем, и для других. Все мои попытки создать эдакий кружок по общим интересам и для этого по базам данных найти сведения о вышеупомянутых историках успехом не увенчались. Непонятно. Даже если допустить, что Соничева могла сменить фамилию, но куда пропал Бондарь? Впрочем, эпоха была смутная...

В 2005 г. в роли такого первоходца выступил ушедший уже из жизни академик, специалист по российско-американским отношениям, Н. Н. Болховитинов. В небольшой книге он постарался осветить жизнь и творчество, а также влияние на американскую науку трех столпов российской эмигрантской исторической мысли: Г. В. Вернадского, М. М. Карповича и М. Т. Флоринского. Конечно, это только пусть и интересные, но «пролегомены», что понимал и сам академик. Он отметил, что «монографического исследования о Георгии Вернадском в России пока

² Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. Воронеж, 2018.

³ Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 9.

⁴ Бондарь А. Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г. В. Вернадского: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

⁵ Соничева Н. Е. Становление и развитие исторической концепции Г. В. Вернадского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

⁶ Козляков В. Н. Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 395–444.

не опубликовано»⁷. Конечно, о русско-американском историке в том или ином контексте писали и другие. Вспомним содержательные работы Е. П. Аксеновой, А. В. Антощенко, Н. В. Ануфриевой, М. Г. Вандалковской, В. И. Дурновцева, О. И. Захарова, В. П. Корзун, М. Ю. Сорокиной, В. Т. Пашуто, Е. В. Петрова, И. В. Тункиной и др. Пусть простят меня остальные за это грубое и безликое «др.», но я еще раз повторяю, что задачу дать историографический обзор перед собой не ставил.

Интереснее сейчас вопрос о том, могла ли «молодая» «перестроечная» наука России опереться на труды американских историков? Значительной «вернадскианы» мы в американской науке (как, впрочем, и в европейской) не находим, но сразу замечаем труды Чарльза Гальперина. Собственно, было две публикации: одна статья и другая работа, которая вполне вписывается в монографический формат, хотя и была издана в известном западногерманском журнале⁸. Издание это была ведомо и нашим историкам: знал ее В. Н. Козляков, широко использовал Н. Н. Болховитинов, а Соничева (в моем сознании она постепенно превращается в эпического богатыря) даже полемизировала с заокеанским научным авторитетом. Однако определяющего воздействия на становление российского (поначалу еще советского) «вернадоведения» эта работа не оказала. Нам и сейчас легко представить далекий 1985 г.: «перестройка» еще только начиналась, вождьленный Бахметевский архив был по-прежнему весьма плохо достигаем, да и «Forschungen» не является настольным чтением для отечественного историка...

Для дальнейшего складного изложения мне необходимо сделать следующую экспозицию. Ко второму десятиетию нынешнего столетия автор этих строк увлекся жизнью и творчеством Георгия Вернадского. В книге я обыграл это в шуточной манере, но на самом деле интерес к творчеству историка проистекал из моей предшествующей жизни и работы. Даже непосредственно предшествующей: был написан труд о своего рода приключениях «демократической» идеи древнерусского политогенеза, ярким адептом которой был Вернадский⁹. Перейти от «путешествий» этой идеи к путешествиям историка было вполне логичным шагом. Интерес ознаменовался публикацией ряда моих статей и неопубликованных ранее произведений ученого¹⁰, и, наконец, книги¹¹. Этот интерес так меня захватил, что, не будучи способным вырваться из его объятий, я сделал Георгия одним из героев еще одной книги¹². И должен признаться, что, если бы не отличная работа Гальперина,

⁷ Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. С. 12.

⁸ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 55–194.

⁹ Дворниченко А. Ю. Зеркала и Химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.

¹⁰ Дворниченко А. Ю.: 1) Г. В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. Вып. 2. С. 57–79; 2) Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. СПб., 2015. № 2(13). С. 101–132; Дворниченко А. Ю., Белоусов М. С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 358–374 и др.

¹¹ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

¹² Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. М., 2018.

я, наверное, и до сих пор бы блуждал в потемках сложнейшей темы. Эту работу я знал уже чуть ли не наизусть. Несмотря на то что я мало с чем в ней соглашался, она была для меня прекрасным путеводителем, прежде всего по архивным материалам, хотя тут возникла неожиданная трудность, о которой я еще скажу. В общем, номер журнала стал для меня настольной книгой¹³.

В отличие от соотечественников, славный американский историк оказался вполне доступен, во всяком случае электронным способом. Он написал рецензию на мою монографию о Вернадском¹⁴ и дал ей очень высокую оценку. Поскольку не все смогут добраться до этого журнала, я приведу «Abstract»¹⁵. Конечно, в рецензии была и критика, о которой я, может, еще скажу. Меня как автора не могло не обрадовать, что подобная (может быть, менее комплиментарная и пространная) рецензия вышла и в России¹⁶. Не скрою — я был несколько удивлен, когда узнал, что в Воронеже переводится и готовится к изданию та самая работа Чарльза Гальперина, которую я только что воспевал. Я даже принял участие в ее оформлении, что читатель ясно увидит, взяв в руки книгу, выпущенную Издательско-полиграфическим центром «Научная книга» и украшенную на заднем форзаце еще и загадочным тавро: «Издательская группа Пояс Евразии». Меня даже поблагодарили. Что ж, согласно английской вежливости, «спасибо за спасибо», но остановиться на сем не могу. Книга, собственно, состоит из перевода мегастатьи Гальперина и его же статьи¹⁷, которая завершает текст. Все это предваряется небольшим предисловием редактора, а поскольку этот же редактор сопровождал книгу большим количеством «подвальных» ссылок под названием «Примечание редактора», то книга получилась достаточно пространной — 373 страницы. Кстати, по какому принципу редактор составлял данные «примечания», так и осталось для меня загадкой: некоторым деятелям науки и культуры отводится значительное место, а другим — нет. Причем, это вовсе не зависит от значимости той или иной фигуры.

Однако к этому у меня особых претензий нет, как нет претензий и к обложке книги, и к шрифту. Приятно также и то, что листы сшиты — книга будет жить долго. Впрочем, чтобы обеспечить ей жизнь не только долгую, но и приятную, редактору надо было приложить гораздо больше усилий, чем составить «примечания». Большие претензии возникают к переводу книги. Говорят, что когда грузинский поэт Симон Чиковани увидел свое стихотворение на русском языке, то он обра-

¹³ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить почетного профессора нашего Университета С. Г. Кашенко за то, что он в свое время подарил историческому факультету комплект журнала за пару десятков лет, привезенный из-за границы, по-моему, из Голландии.

¹⁴ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky // Journal of modern Russian history and historiography. 2018. No. 11. P. 134–157.

¹⁵ “Andrei Dvornichenko’s impressive *Russkii istorik. Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii* is the first biography of the Russian émigré historian of Russia who was one of the founding fathers of the study of Russian history in the United States. Dvornichenko’s book surveys Vernadsky’s life and prodigious scholarly output in detail. It is now the standard work on the subject. Anyone interested in the Russian emigration, Russian historiography, or Russian history in general should read this monograph”. — Ibid. P. 134.

¹⁶ Китаев В. А. Одиссея Георгия Вернадского // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2018. № 3 (16). С. 253–261. Рец. на: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.

¹⁷ Halperin Ch. J. Recent research on George Vernadsky // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 455–470.

тился к переводчикам с горячей просьбой больше этого не делать¹⁸. Боюсь, что так может получиться и в этом случае. Если же искать ответ на сермяжный российский вопрос, то виновата не та неизвестная мне женщина, которая значится на обложке в качестве переводчика (хотя и она лепту внесла), а виноват редактор. Нет, я, конечно, понимаю, что среднестатистический российский преподаватель вуза изнывает под бременем взваленных на него проблем, но уж если живого классика русистики берешься переводить, то надо обязательно прочесть получившийся текст. Ты же редактор! Да и перевод-то не художественный, главное — точность. Тут же перевод грубый и неряшливый, порой смысл уходит. Слова и фразы просто неправильно поняты или переведены некорректно. Взять хотя бы главу «Евразийство». Вместо «примерно совпадала» — «точно совпадала», вместо «неверной культурной вестернизации Петра» появляется сам Петр, «упорствующий в своих заблуждениях», «межвоенный период» превращается в... «Гражданскую войну», вместо «евразийская история была наполнена фантазией» получаем «распространялась с выдумками». А ведь животики можно надорвать, когда читаешь такую фразу: «Евразийцы транслировали горестные повести о европейской развращенности и отклонялись от славянофилов и Данилевского». И тут же: «...реакцией на инспирированный Европой ужас мировой войны», хотя в оригинале «реакция против Европы, инспирированная ужасом Великой Войны». Почувствуйте разницу! И тут же название до боли знакомого произведения «Закат Европы» переводится как «Отрицание Запада»... Места мне для примеров не хватит, пришлось бы весь номер журнала абонировать... И ведь не понимают, что смысл-то искажается. Например «...в разговоре по поводу университета Джона Хопкинса»¹⁹, а то был «talk» не «по поводу», а в самом этом университете. Или «попытался обезопасить от Советского Союза микрофильм»²⁰, а он просто хотел его получить...

Текст попросту не вычитан, много ошибок в названиях и особенно в фамилиях. С последними особенно досадно. О, эта извечная англо-русская проблема: «а» или «у». И тогда «Батлеровская библиотека» оказывается «Бутлеровской», знаменитый историк «Крамми» легким движением руки вдруг превращается в «Крумми», а читатель думает-гадает над тем, как это «профессор работал в Колумбии»? Что он наркотрафиком, что ли, занимался? Проблемы не только с английским, но и с другими языками, например немецким. И тогда знаменитый славист Фасмер вдруг оказывается «Васмером», а знаменитый издатель де Гройтер — де Гюнтером. Но такие ошибки хоть понять можно, но вот как петербургская исследовательница Тункина превращается в «Туркину», а почтенная дама-историк Корзун в некоего «Козина», известный профессор Дурновцев вдруг оказывается «Дуровцевым». Как Анри Грегуар тут же может превращаться в «Аньюара»? А великий историк Грушевский временами трансформируется в некоего «Хрущевского». А видный польский историк-эмигрант О. Галецкий в некоего «Халеки»?! Также и со странами: Румыния вдруг стала Романией и т. д. Пишу это с болью, ведь Гальперин в своей рецензии на мою книгу отметил, что в ней количество типографских ошибок ничтожно²¹. Мне

¹⁸ Чуковский К. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб., 2015. С. 21.

¹⁹ Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 311.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 144. Повод сказать искреннее «спасибо!» специалистам нашего славного Петрополя, работникам «Евразии».

кажется, что своей безалаберностью воронежские деятели подводят почтенного американского автора, а данное в конце сообщение о том, что книга дается в авторской редакции и авторском наборе, выглядит просто издевкой. Особенно для того, кто знает необыкновенную скрупулезность Гальперина, связанную еще и с тем, что он прекрасный знаток компьютеров, программист и системный аналитик. К тому же в этом издании он хотел «исправить свои фактические ошибки и пропуски»²². Не могу не добавить, что порой горе-переводчики «подставляют» своего автора, так сказать, вдвойне. Редкий случай, когда Гальперин не справился с русской фамилией и под его пером появился соратник Николая Второго — «Uktinskii»²³. Под пером же переводчиков вдруг появляется уже совсем загадочный «Уткинский»²⁴, где, вообще-то, должен быть «Ухтомский»²⁵.

Жаль, что приходится воронежскому редактору Ю. В. Селезневу объяснять такие очевидные вещи. Да это еще не все. Ведь очевидно, что если издается книга 1985 г., то редактор должен учесть то, что произошло за протекшие несколько десятков лет. То, что он мою книгу нигде не упомянул, хотя между подписанием в печать перевода и выходом моей книги прошло больше года, пусть просто остается на его совести, я человек не гордый, хотя делу такой подход вредит. Но ведь так во всем! Взять, например, систему ссылок на Бахметевский архив. Когда я до него добрался, то никак не мог понять, что за ссылки у Гальперина. Не могла мне помочь даже куратор архива славная Таня Чеботаревф. Наконец выяснилось, что за это время коллекция Вернадского была полностью переформатирована, и, как отметил сам Гальперин, его система ссылок теперь бесполезна²⁶. Таки редактор должен был тут поработать и переделать сноски на архив.

Или вот, например, Гальперин в 1985 г. считал, что «Возражение» патриарха Никона, которое готовили к печати Г. В. и Валерия Туминс, так и не вышло в свет, а оно было опубликовано в 1982 г.²⁷ Для того чтобы исправить эту ошибку, вернее, просто дополнить сведения Гальперина, редактору стоило лишь заглянуть в мою книгу. На этом я прекращаю критику текста перевода работы Чарльза Гальперина. Как говорила устами своей героини великая Фаина Раневская: «Что выросло, то выросло». За десятилетия я почти изжил в себе юношеский максимализм — все или ничего. Книга будет полезна и в таком виде, так как плохой перевод все равно не понизит значения текста заслуженного американского автора. К тому же нынче у нас не так много переводят работ американских русистов. Тем более мне-то вообще повезло: я буду прикладывать к российскому переводу западногерманский оригинал, и такой симбиоз поможет избежать ляпов воронежских кудесников. Но еще раз хочу подчеркнуть, что Гальперин сделал все, что мог: в *английский* текст своей работы он даже внес кое-какие интересные дополнения!

Скажу еще об одном нюансе. В рецензии на мою работу Гальперин тонко почувствовал, что я обращаюсь именно к русскому читателю²⁸. Зря только он придает этому слишком национальный, этнический оттенок. Для того, у кого значительная

²² Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 335.

²³ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. P. 167.

²⁴ Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 277.

²⁵ Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) — дипломат, ориенталист, публицист и др.

²⁶ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 143.

²⁷ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. С. 288.

²⁸ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 144.

часть жизни прошла в СССР, русскими часто были все, кто говорил на русском языке. Кстати, и сейчас говорят, судя по телевизионным передачам и туристическим впечатлениям. Но мне действительно хотелось в первую очередь объяснить значение Вернадского именно русскоязычному читателю, особенно россиянину. Впрочем, Гальперин отметил, что по моей книге и западный специалист сможет переосмыслить жизнь и творчество историка. Сам же Гальперин, учитывая характер издания и тогдашнюю ситуацию, писал в основном для западного читателя. Тогда возникает очень приятная картина: то ни одной книги, посвященной Вернадскому не было, а теперь сразу две. Одна адресована всем русским и западным специалистам, а другая — первоначально западным специалистам и избранным русским. Теперь они обе обращаются к русскому читателю, и читатель может одну дополнять другой...

Кстати, с этим наблюдением Гальперина связано и еще одно его замечание: я слишком себя идентифицирую с героем своего повествования. Более того, Гальперин считает, что политический подтекст моей патриотической «преданности» (кавычки его. — А. Д.) Вернадскому ясен. Воспевание эмигранта, изгнанного из России и оклеветанного коммунистами, отражает отторжение советской историографии на почве возрождающегося (с 1991 г.) русского национализма²⁹. На это обратил внимание и российский рецензент, правда, акцент сделал не на политике. Он предположил, что таким образом я стараюсь встать вровень с героем³⁰. Хочу отвести от себя такие обвинения. К политике это никакого отношения не имеет, хотя, не скрою, мне приятно отнесение моей скромной фигуры к русскому национализму. Но ведь он в природе не особо водится, потому это все слова, а «вровень» ни с кем я давно уже вставать не хочу. Просто я всю информацию пропускаю через себя и, чувствуя духовное сродство со своим героем, не могу удержаться от реплик — результата в общем-то печального процесса накопления жизненного опыта и впечатлений.

Ну, что это я все о себе и о себе! Это ж все-таки рецензия! И поспорить с замечательным американским историком есть о чем. Впрочем, некоторые мои замечания были уже сделаны и вошли в мою книгу, к которой я и могу отослать читателя. К тому же вряд ли здесь целесообразно спорить по мелочам. В данной рецензии лучше остановиться на каких-то принципиальных моментах и на том, что проявилось в последнее время или не было замечено прежде. Пробежимся по страницам книги.

Что касается жизни нашего героя, то она хорошо изложена в книге. И хоть Гальперин считает, что моя трехсотстраничная проза (часть книги, посвященная биографии историка) значительно перекрывает его биографический очерк Вернадского, не могу не отметить добротность его очерка. Тем более что в новом издании есть и кое-какие уточнения и исправления. Меня, например, очень порадовало, что исчез с лица земли греческий профессор Лорензато и благодаря «щедрой помощи Николаоса Хризидиса» (дай Бог здоровья этому светлому человеку и Чарльзу Гальперину, который его нашел!) появился на свет Панагиотис Лоренцатос, с которым

²⁹ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 144–146.

³⁰ Кутаев В. А. Одиссея Георгия Вернадского. С. 254.

Георгий дружил в Афинах³¹. Это один из немногих персонажей жизни историка, перед которым и я было спасовал — не мог найти о нем сведений.

Можно спорить о том, любил ли Георгий Йельский университет³². Тут прямых данных нет. Я думаю, что любил, но что касается отношений с родителями, тут я, как скала — не было никакого доминирования со стороны отца! Это был такой творческий союз, такие теплые и трогательные отношения в лучших традициях русской интеллигенции, что можно только завидовать... и все! Ну, какое может быть доминирование за тысячи верст, да и в детстве его не было, а были прекрасные и дружеские отношения... Очень хотелось бы этот креативный диалог отца и сына рассмотреть подробно, к чему призывает В. А. Китаев³³, но это тема отдельной работы. К тому же у отца — гордости нашей науки и культуры, в отличие от сына, почерк был просто ужасный...

А вообще, тема «жизнь Георгия Вернадского» — совершенно неисчерпаемая, и я верю, что к ней будет обращаться не одно поколение специалистов-гуманитариев. В чем я не согласен с Чарльзом Гальпериным, так это в том, что он пытается навесить на Георгия какие-то политические ярлычки, которые во многом якобы и определяли его научную деятельность. Это порой выглядит так: «...Личностная эволюция В. не была завершена (перед приездом в США. — А. Д.): в дальнейшем к его запутанным кадетским и евразийским идеям неизбежно добавился ряд определенно американских ценностей»³⁴. Как человек более 36 лет преподающий и изучающий русскую историографию, с полной ответственностью заявляю, что при всей политизированности мышления россиян, у русских историков ни политическое, ни национальное мышление (во всяком случае, до М. С. Грушевского) не было доминантой. Даже советская историческая наука, крайне в этом заинтересованная, пасовала перед тем, чтобы определить политические взгляды С. М. Соловьева или В. О. Ключевского и многих других. Еще в студенческие годы я представлял себе, как бы отреагировали те из русских историков, которых их советские коллеги относили, например, к «теории официальной народности». Концепция русской истории у наших историков редко завязана на политические воззрения, и в этом смысле нет оснований смешивать в одну кучу историографию и историософию. Последняя гораздо больше связана с политикой...

Эта тема, в свою очередь, близка к теме евразийства, характеристике которого посвящена вторая глава книги. Объективно говоря, этот очерк короток и уже несколько устарел, во всяком случае в историографической части: ведь литература по евразийству растет, как снежный ком. Но дело не в этом. Гальперин прекрасно знает и новую историографию³⁵. Дело в оценке данного явления. Гальперин оценивает его негативно и прежде всего как политическое течение, своего рода «антидемократическое оправдание империализма и колониализма». Оно раздражает американского историка. Западные историки уже, как мне кажется, начинают демонизировать

³¹ Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 335. — Это ценное уточнение Чарльз Гальперин сделал в статье, опубликованной первоначально в «Золотоордынском ежегоднике».

³² Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 148.

³³ Китаев В. А. Одиссея Георгия Вернадского. С. 260.

³⁴ Там же. С. 68.

³⁵ Halperin Ch. J. Russia Faces East: Eurasianism Reconsidered // Russian History. 2016. No 43. P. 69–80.

это политическое учение, не находя даже предшественников для них в «русской истории идей»³⁶. Наши историки также видят в евразийстве политическое течение³⁷. Но ведь тут, я уверен, надо четко отделять политику (а она всегда — «дело грязное»), к которой у Георгия всегда было примерно такое отношение, как у черта к ладану³⁸, от широкого комплекса идей (может, и расплывчатых), которые он пытался положить в основу своей концепции русской истории. Его концепция русской истории — евразийская, а почему бы и нет?! Во всяком случае, мне близко то место Киевской Руси, которое ей отводится в российской истории евразийством.³⁹ У нас сейчас (после падения Берлинской стены) явная нехватка более или менее адекватных концепций российской истории. Вернадский такую концепцию дал — честь ему и хвала. Насколько она «полноценная и завершенная»⁴⁰, можно спорить и, конечно, надо разбираться с тем, что такое «концепция» вообще. А то научный пуризм уже приводит к тому, что концепция Преснякова якобы состоит из каких-то обломков, а Ключевскому и вовсе отказывают в научной концепции⁴¹. Впрочем, о сложных отношениях Вернадского с евразийством пишет и сам Гальперин⁴².

В связи с работой Гальперина важнее другое — отношение к Вернадскому. Оценивая русского историка, Гальперин (по его собственному признанию) «не сдерживался в выражениях»⁴³. Теперь он вроде прямо-таки по-русски «покаялся», как оказалось, тогда «допустил стратегическую ошибку», но «выражения-то» остались... А при ближайшем рассмотрении оказывается, что бо́льшая часть неприязни к Георгию Вернадскому связана с этим самым демонизируемым евразийством. Если его отбросить, то окажется, что довольно часто Гальперин даже хвалит нашего героя. И почему Гальперин так невзлюбил евразийство Вернадского?! Ведь с историографической точки зрения упрекать его в евразийстве — все равно что, например, упрекать Ивана Дмитриевича Беляева за то, что он «славянофил», или Ключевского за приверженность к государственной школе и т. д.

И вот, если двинуться дальше, то увидим, что во всем касающемся древности Гальперин признает заслуги Вернадского. Тот, оказывается, приобрел выдающуюся

³⁶ Люкс Л. Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра Дугина и о «классическом» евразийстве на сайте gerfter.ru // Журнал рецензий. 2018. № 3 (16). С. 206.

³⁷ Фроянов И. Я. О зарождении евразийства в изучении русского средневековья // Сб. в честь В. К. Зиборова. Вып. 5: Опыты по источниковедению. СПб., 2017. С. 300.

³⁸ Гальперин, вообще, зачастую видит политику там, где ее нет. Так, он упрекает меня в том, что я призвал Вернадского для того, чтобы оправдать присоединение Крыма к Российской Федерации (*Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky*. P. 148). А я ведь пишу только о том, что он находил русских в Крыму с древних времен! Хотя теперь не могу не отметить, что для Средневековья Вернадский всегда выступал за немедленную аннексию Крыма Россией. Реплика же Гальперина о том, что нет сведений о протестах Вернадского в связи с передачей Крыма Украинской ССР (*Ibid.*), мне, вообще, непонятна. Неужели специалист в области истории России всерьез думает, что судьба того или иного российского региона может зависеть от поступка полоумного правителя?

³⁹ *Dvornichenko A. Yu.* The place of the Kievan Rus in history // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. Вып. 4. С. 5–16.

⁴⁰ *Китаев В. А.* Одиссея Георгия Вернадского. С. 259.

⁴¹ *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

⁴² *Гальперин Ч.* Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 58, 60.

⁴³ Там же. С. 328. Даже американские обозреватели признали негативизм по отношению к Вернадскому чрезмерным (*Keep J.* Review of: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 36 // *Canadian Slavonic Papers*. 1985. No 27. P. 444).

осведомленность в истории Азии⁴⁴. Тут, пожалуй, и добавить нечего. Впрочем, есть. Я думаю, что Вернадский во многом заложил основы столь популярного сейчас сравнительного анализа империй. А насколько он идеализировал отношения Руси и степного азиатского моря? У Гальперина почему-то они вызывают ассоциации с американо-индейскими отношениями. Вот тут история поработала явно не на Гальперина: «наши» азиаты живут теперь в новых государствах, где русские, судя по всему, не на первых ролях. Где же государства американских индейцев? Кроме резерваций, никаких не наблюдаем.

Касательно «Происхождения Руси» я уже высказался в своей книге и взгляда своего не меняю. Прекрасная книжка — ее стоит перевести на русский язык (правда, воронежцев звать не будем). «Киевскую Русь» и сам Гальперин высоко оценивает. Его только удивляет, почему концепция Киевской Руси (в моей оценке) у Вернадского так близка к концепции И. Я. Фроянова, ведь Фроянов не евразиец⁴⁵. Но дело в том, что Фроянов тут не одинок. В уже упоминавшейся работе я старался показать читателю всех предшественников теории петербургского историка — нашего современника⁴⁶. В общем, глава о Киевской Руси на самом деле заканчивается заслуженным панегириком в адрес Вернадского за то, как он показал отношения Руси со Степью. Тут я совершенно согласен, только отмечу, что не считаю произведение С. Франклина и Дж. Шепарда лучшим обзором истории Киевской Руси на *любом* европейском языке. Я бы тут вспомнил недавнюю фундаментальную книгу И. Я. Фроянова⁴⁷.

В связи с Фрояновым, обосновавшим в своих работах фактическое отсутствие феодализма в Древней Руси, не могу не вспомнить этот конструкт. В новом издании осталось прежнее высказывание Гальперина о наличии феодализма, который он готов был заменить неким «манориализмом»⁴⁸. С этим трудно согласиться. В дополнение к прежним рассуждениям могу заметить, что феодализм очень плохо уживается с общинными городами-государствами⁴⁹ и тем более — с племенными структурами⁵⁰.

Глава, посвященная оценке Вернадским «монгольской проблемы», самая странная в книге. Это и понятно, ведь известно, что сам Гальперин крупный специалист в области изучения русско-монгольских отношений. Опять же, если отбросить филиппики в адрес пресловутого евразийства, то окажется, что американский ученый высоко оценивает результаты исследования. Уже ранние взгляды историк содержат «похвальные аксиомы» (с. 191); анализ Золотой Орды «весьма компетентен» (с. 136); изящное открытие (с. 137); обоснованные наблюдения о монгольском

⁴⁴ Там же. С. 130.

⁴⁵ Более того, выяснилось, что он, как и Гальперин, весьма не симпатизирует евразийству, правда, скорее больше современному. При этом значительные заслуги Вернадского (да и столпов евразийства) И. Я. Фроянов вполне признает и отличает их «от нынешних лакировщиков монголо-русских отношений» (*Фроянов И. Я. О зарождении евразийства в изучении русского средневековья*. С. 328, 333).

⁴⁶ *Дворниченко А. Ю. Зеркала и Химеры*.

⁴⁷ *Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь*. СПб., 2015.

⁴⁸ *Гальперин Ч. Русь и степь*. С. 180.

⁴⁹ *Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории*. 1988. № 1. С. 58–73.

⁵⁰ *Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015. № 2(18). С. 152–160.

влиянии (С. 220). Более того, Гальперин включает Вернадского в группу историков (в эту группу входят еще сам Гальперин и Дональд Островски), которая наиболее правильно трактует последствия монгольского нашествия⁵¹. Такие высокие оценки⁵² проистекают из того, что книга, будучи по виду евразийской, приходит к неевразийским и даже антиевразийским выводам. Учитывая то, что было мной только что сказано касательно этого несчастного (или счастливого) евразийства, можно далее подход Гальперина и не комментировать. Но отмечу, что я все-таки по-иному представляю себе заслуги Вернадского. Главное не то, что он видел смешанный характер монгольского влияния, а то, что он одним из первых показал, что действовало данное влияние, так сказать, с оттяжкой, что и привело в конце концов к изменению общественного строя Руси. Но был это не восточный деспотизм в духе Карла Виттфогеля (в привязанности к этой концепции Гальперин почему-то и меня уличил), а особый, уникальный государственно-крепостнический строй (ГКС), ставший своего рода российским брендом⁵³.

Отдельную главу своей книги Чарльз Гальперин посвящает работам Вернадского о Московии и Украине. Что касается Московского государства, то я много писать не хочу, поскольку имел возможность полемизировать (в основном защищая своего героя от некоторых критических замечаний Гальперина) с первым изданием. Правда, тогда я так, видимо, увлекся, что не заметил восторженной оценки: Вернадский, оказывается, дал самое полное и исчерпывающее исследование реформ времен Ивана Грозного не только на английском языке, но, возможно, и вообще в историографии⁵⁴. Да и формулировка, что текст, посвященный Ивану Грозному, «не более чем полезен», по-моему, скорее положительная, чем отрицательная оценка. Собственно, и здесь вся критика замыкается на этот столь (почему-то) несимпатичный Гальперину «евразинизм».

Об Украине надо сказать больше — ведь ясно, что, как и Крым, она воспринимается по-иному (если сравнивать с восьмидесятыми годами прошлого века), и сегодня эта тема стала гораздо более актуальной. Болезненное внимание, как и сон разума, порождает всякое.

Сам Гальперин подошел к проблеме «Вернадский и Украина», как всегда, спокойно, взвешенно и профессионально. Он отметил «амбивалентный характер» отношения Вернадского к украинскому вопросу, который отразился в двух его неопубликованных текстах⁵⁵. Подчеркнул любовь Вернадского к Украине и украинской культуре, проанализировал популярную биографию знаменитого гетмана Хмельницкого, эпопею с изданием в США сочинения М. С. Грушевского, которого Георгию пришлось защищать от нападок местных коммунистов и т. д. Закljučая свой обзор, он вновь делает вывод о «двойственности» позиции Вернадского, который и увлекался историей Украины, и был активным сторонником единения ее

⁵¹ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 152. — Заметим, что и еще один специалист по монголам — учитель Гальперина М. Чернявский — называл книгу Вернадского великой книгой.

⁵² В книге, конечно, есть и критика некоторых воззрений и методов Вернадского. Как без критики?! Идеальных построений не бывает, но для меня далеко не вся эта критика убедительна...

⁵³ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.

⁵⁴ Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство. С. 257–258.

⁵⁵ Там же. С. 261.

с Россией, неожиданно солидаризуясь в этом с позицией советских историков⁵⁶. Остро встал вопрос о еврейских погромах во времена Хмельницкого: в работе о Хмельницком Вернадский не упомянул о них. В своей книге я это тоже отметил и отнюдь не поощрил историка, но попытался найти этому объяснение⁵⁷. В рецензии на мой труд Гальперин придумывает еще одно объяснение, которое тоже может быть принято. Но далее он, опираясь на труды С. Глебова, М. Ларуэльль, М. Бассина, В. Шнирельмана, пытается обвинить в фашизме и евразийство, и «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева⁵⁸. Справедливости ради скажу, что Вернадский тут напрямую не упомянут, но, поскольку он восхищался Гумилевым⁵⁹ и был евразийцем, тень падает и на него. Вот тут я категорически не согласен! Касательно «последнего евразийца» мне уже приходилось писать: никакого отношения к фашизму он не имел⁶⁰. Но уж на Вернадского и подавно грешить не приходится. Этот светлый человек был начисто лишен каких-либо черт расизма, антисемитизма, фашизма и прочих гадостей. Однако вернусь к Украине.

Тут Гальперин также попал под дурное влияние. Дело в том, что за это время вышли статьи некоего современного «экспатрианта», внештатного и штатного сотрудника нескольких русских, украинских и европейских институтов (последний — в Швеции)⁶¹ Игоря Торбакова⁶², который заинтересовался евразийством, а через него вышел на нашего героя. Сообщив общеизвестные сведения об историке и его творчестве, Торбаков неожиданно формулирует свою исследовательскую задачу: показать суть творчества Вернадского. Оказывается, суть эта определяется внутренними противоречиями, вызванными украинским происхождением и имперским *Weltanschauung*⁶³. Торбаков обратил внимание на известный факт: главные евразийцы (П. Н. Савицкий) происходили или жили на территории Украины. В ход идет и то, что Н. С. Трубецкой — потомок Гедиминовичей. И вот надо же: украинские корни Вернадских тоже хорошо документированы. Впрочем, Торбаков признает, что само происхождение не определяет дальнейшее развитие человека, не могла тут сыграть определяющей роли и страстная любовь к Украине со стороны отца — Владимира Ивановича. Но, испытав страшные потрясения в России, Георгий оказался подготовлен к восприятию украинской идентичности, а своего рода переломом, точкой бифуркации тут стала долгожданная встреча с родителями в Праге в 1922 г.⁶⁴ Вот так: ни много ни мало! Выйдя из транса, я стал читать дальше: пытаюсь обрести украинскую идентичность, Георгий и писал свою «Историю». Другими словами, появлению «евразийской» истории России мы обязаны тем, что он искал свою украинскую идентичность! Доказывается этот неизвестный науке факт ссылками на сведения об интересе Вернадского к своим предкам, а также на

⁵⁶ Гальперин Ч. Русь и степь. С. 268.

⁵⁷ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. С. 251.

⁵⁸ Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 155–156.

⁵⁹ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. С. 298–300.

⁶⁰ Дворниченко А. Ю. Зеркала и Химеры.

⁶¹ Гальперин Ч. Русь и степь. С. 335.

⁶² Хочу от всей души поблагодарить Чарльза Гальперина за то, что он не только указал мне на работы Торбакова, но даже их прислал.

⁶³ *Weltanschauung* (нем.) — миропонимание.

⁶⁴ Torbakov I. Between Russia, Ukraine and Eurasia: George Vernadskii's Search for Identity. Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union / eds S. Turoma, M. Waldstein. Surrey, 2013. P. 74.

статью В. И. Вернадского «Украинский вопрос и русское общество». Да еще общеизвестными сведениями об учении евразийцев (Савицкого и Трубецкого). Почему для того, чтобы увидеть мультинациональность Российской Империи, Вернадско-му надо было представить себя украинцем, автор не объясняет...

Как же реагировал на эту чушь наш уважаемый Чарльз Гальперин? С одной стороны, он разоблачил самоплагиат ученого⁶⁵ и отметил, что без персональных свидетельств лучше воздержаться от приписывания Вернадскому некоей эмоциональности в трактовке русско-украинских отношений. Но с другой стороны, Гальперин считает, что наблюдение Торбакова об отношении историка к своему украинскому прошлому — значительный, оригинальный вклад в наше понимание интеллектуальной эволюции ученого⁶⁶. Позволю себе не согласиться с уважаемым американским ученым: концепция сего экспатрианта, как говорится, высосана из пальца и выеденного яйца не стоит, никаких намеков, ни в каких источниках на «обнаруженные» Торбаковым «процессы» в психике и интеллекте Вернадского не выявлено. Я представляю, как Вернадский, убежденно писавший о крайнем вреде разделения церквей в России и Украине, был бы ошарашен ныне, узнав о «Томасе»...

Я тоже под горячую руку попал. Гальперин отмечает, что моя враждебная оценка украинской независимости обходит молчанием «имперское измерение в классическом евразийстве, а этот империалистический аспект, в свою очередь, дезавуирует классическое евразийство»⁶⁷. Что тут скажешь? Чарльз Гальперин, видимо, пока не понял мою концепцию. Мне приходится вновь повторить свою идею об уникальном государственно-крепостническом строе, который не вписывается в ординарные представления об *империи*. И этим мне близок евразиец Вернадский. Как ученый я понимаю, что этот строй таит опасность распада «империи» на те или иные части, как человек я не вижу позитива в отдельном существовании России и Украины и считаю их распад делом сугубо политическим. Я помню, как, будучи еще студентом на военных сборах (1980 г.), до одурения спорил с одним самостийником (фамилию его, естественно, не называю, так как ныне он известный петербургский (sic!) ученый, правда, не историк). Взгляды мои с тех времен не изменились, и я был очень рад найти подобные воззрения у Вернадского.

Довольно странное впечатление производит статья Э. Гыйдела⁶⁸. Выпускник Ужгородского университета издал несколько работ Вернадского и подумал над проблемой национальной идентичности Георгия. На основании одного (!) высказывания в личном письме он внес историка в «длинный и все еще продол-

⁶⁵ Выяснилось, что практически то же самое ученый писал и в 2008 г. (*Torbakov I. Rethinking the Nation: Imperial Collapse, Eurasianism, and George Vernadsky's Historical Scholarship // Kennan Institute Occasional Paper. No 302. 2008. P. 1–21*) и в 2015 г. (*Torbakov I. The Intellectual Odyssey of Georgii Vernadskii. Between Europe & Asia: The Origins, Theories and Legacies of Russian Eurasianism / eds M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle. Pittsburgh, 2015. P. 113–136*).

⁶⁶ *Halperin Ch. J. Russia Faces East: Eurasianism Reconsidered. P. 76.*

⁶⁷ *Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. P. 154.*

⁶⁸ Статья эта оставалась неизвестной и мне, и Чарльзу Гальперину. Ну, я не очень-то читаю экзотический журнал «Ab Imperio», а вот почему Гальперин не знал — не понимаю, ведь у него в этом же номере рецензия! Наверное, не прислали номер. Э. Гыйдел, видимо, не сам был в архиве, а получил документы от некоего Игоря Мартынюка. Как уж их получил сей человек — Бог ведает!

жающийся список известных и неизвестных лиц с двойной (русско-украинской) идентичностью»⁶⁹.

Ниже, однако, Гьйдел одумался и стал сам себя поправлять и, в конечном итоге, ту самую «двойную идентичность» Вернадского отменил. Зато ему бросились в глаза украинистические интересы историка. Ну и что? При чем тут идентичность? Украинская история живая и увлекательная, и заинтересоваться ею можно и без всякой украинской идентичности. Конечно, наличие какой-то кровной или еще какой другой связи с Украиной может этот интерес приумножить, но, опять же, идентичность тут ни при чем. Таких, как Георгий, у нас в России миллионы (в смысле русской, прежде всего, идентичности). Вот у меня, например, дедушка — украинец, читал и мне давал «Твори» Кобзаря, а его тесть — мой прадедушка, который был поляком, — читал А. Мицкевича. Повлияло ли это на мой интерес? Да, я всю жизнь интересуюсь и украинской, и польской историей. На идентичность же — никак: родился и помру русским. Когда смотришь из глубин России, то все те группы украинцев, о которых пишут вышеупомянутые авторы, кажутся надуманными. Есть украинцы, в дружеском соседстве и родстве с которыми русские жили веками, и есть бандеровцы, с которыми никакой дружбы не было и быть не может.

Но вернемся к книге Гальперина. Глава (вернее, часть главы), посвященная дореволюционной России, теперь выглядит несколько лапидарной, хотя мне и прежде, и теперь кажется, что Гальперин искусно вышел из сложной ситуации. Иногда призывают к «...более или менее полноценной реконструкции XIX — начала XX в. в истории России по Вернадскому»⁷⁰. Но сделать это трудно, поскольку этим временем он так масштабно, как Средневековьем, не занимался. Гальперин собрал значительное число историографических фактов. Я только никогда не соглашусь с утверждением, что «евразийские обзоры русской имперской истории представляли собой грубо искаженную пропаганду»⁷¹. К тому же он противоречит сам себе, отмечая, что то, что написал Вернадский о «Новой истории России» (т. е. XVIII–XIX вв.), имеет больше всего смысла, когда помещено в контекст евразийства⁷².

Говоря о восприятии Гальпериним тех работ, которые Вернадский посвятил советскому периоду, в который раз приходится повторить свое наблюдение: что если бы не евразийство, то американский ученый был бы более милостив к русскому американцу. В этой части книги такая антиномия кажется еще заметнее⁷³. Более того, в одном месте Гальперин заметил, что «евразийство Георгия Вернадского позволило ему быстрее других увидеть, как география Советского Союза укрепила его способность сопротивляться немцам»⁷⁴. Так это же и есть то самое, о чем я толкую: без того или иного «евразийства» российскую историю просто адекватно не понять! Это-то и осознавал Вернадский. Да, похоже, к концу книги и Гальперин это

⁶⁹ Гьйдел Э. Об «украинофильстве» Георгия Вернадского, или Вариация на тему национальных и государственных лояльностей // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 339.

⁷⁰ Китаев В. А. Одиссея Георгия Вернадского. С. 257.

⁷¹ Соответствующая глава в моей книге (*Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский...*) и есть пространное возражение против такого подхода.

⁷² Гальперин Ч. Русь и степь. С. 291–292.

⁷³ Кстати, приходится напомнить воронежским переводчикам, что «антиномия» — это совсем не то, что «антимония» (С. 356).

⁷⁴ Гальперин Ч. Русь и степь. С. 303.

понял. Во всяком случае высокая оценка концепции Советского Союза в ее «удивительно последовательных измерениях»⁷⁵, как говорится, дорогого стоит.

Все сказанное в полной мере относится и к оценке наследия (legacy) ученого в целом, и прежде всего влияния его творчества на последующую науку. Оценка этого влияния Гальпериным, на мой взгляд, противоречива. С одной стороны, он отмечает, что историк стал связующей нитью между русской дореволюционной историографической традицией и находившейся в стадии становления русистикой в США; в любом исследовании об изучении истории России в США его имя будет присутствовать, что он стал образцом для подражания для нескольких поколений историков⁷⁶. С другой стороны, все то же, столь нелюбезное сердцу Гальперина евразийство сводит эту «репутацию» на нет, некоторые из его взглядов должны быть преданы забвению. Он поддерживает Соничеву в утверждении, что Вернадский не основал историческую школу в США и большая часть его гипотез и неоконченных идей не нашла резонанса⁷⁷. Полагаю, что значение творчества Вернадского непосредственно связано со значением эмигрантской науки вообще — ведь он крупнейший историк русской эмиграции. Русская эмигрантская историография стала связующей нитью не только с историографией США, но и с исторической мыслью современной России. Гальперину как жителю одной из самых благополучных стран мира, наверное, все-таки трудно понять нашу страну с ее смутами (так, как Ленину, Трампу все равно не замутить!). Несколько десятков лет наша историческая мысль, хоть и развивалась, но была зажата жесткими идеологическими рамками. Эмигрантская историческая наука сильно влияла на западную русистику и в США, и в Европе. Вот тут я поддерживаю И. Торбакова, который пишет о том, что о силе концепции Вернадского говорили и Р.Пайпс, и А.Каппелер, и многие другие⁷⁸. Мои уже имеющиеся наблюдения склоняют меня к такому же выводу⁷⁹. Но теперь историческая наука русской (украинской, белорусской) эмиграции пришла и к нам. Она позволит нам восстановить «времен связующую нить», органически впишется в современную историографию, и, может быть, возобновится более или менее естественное развитие нашей исторической науки...

Перечитал рецензию. Вот результат: по-прежнему высоко оценил работу американского исследователя, со многим не соглашаясь, поругал отечественных издателей его труда за главный российский грех — разгильдяйство, а бывших соотечественников — за то, что тянут одеяло на себя. Вспомнились хрестоматийные слова летописца: «Оже се где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая Бога дея, а не клените». Только вот книги «не ветшаны», а достаточно свежие. Ум же, хоть и не молод, но может до чего-то и не дошел... И еще раз спасибо

⁷⁵ Гальперин Ч. Русь и степь. С. 313–314.

⁷⁶ Там же. С. 318.

⁷⁷ Там же. С. 359.

⁷⁸ *Torbakov I. Rethinking the Nation: Imperial Collapse, Eurasianism, and George Vernadsky's Historical Scholarship.* P.15, 21. — Гальперин как-то неубедительно пишет о том, что Пайпс не специалист (*Halperin Ch. J. Russia Faces East: Eurasianism Reconsidered.* P.75), что не мешало ему ссылаться на авторитет такого «специалиста» в Древней Руси, как Н. Н. Болховитинов (*Гальперин Ч. Русь и степь: Георгий Вернадский и евразийство.* С. 348). Я уверен, что в этом вопросе Пайпс точно специалист!

⁷⁹ *Дворниченко А. Ю.:* 1) Древнерусский политогенез в германской историографии // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 487–497; 2) Зеркала и химеры. С. 355–421.

американскому историку Чарльзу Гальперину за такой стойкий и конструктивный интерес к нашей истории и историографии!

References

- Bolkhovitinov N.N. *Russkie uchenye-emigranty (G. V. Vernadskiy, M. M. Karpovich, M. T. Florinskii) i stanovlenie rusistiki v SSHA*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPĖN), 2005, 144 p. (In Russian)
- Bondar' A. Yu. *Obshchestvenno-politicheskie vzgliady i deiatel'nost' G. V. Vernadskogo*. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, Rossiiskii Universitet Druzhyby Narodov, 2001, 210 p. (In Russian)
- Chukovskii K. *Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda*. St. Petersburg, Azbuka, 2015, 416 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Y. Evoliutsiia gorodskoi obshchiny i genesis feodalizma na Rusi. *Voprosy istorii*, 1988, no. 1, pp. 58–73. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhavii*. Moscow, Ves' Mir, 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i Khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva*. St. Petersburg, EVRAZIIA, Moscow, Klio, 2014, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Old Russian politogenesis in German historiography. *Bylye Gody*, 2014, no. 34 (4), pp. 487–497. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. G. V. Vernadsky ob Ukraine i ukrainskom voprose (k publikatsii stat'i G. V. Vernadskogo "Kniaz' Trubetskoi i ukrainskii vopros"). *Vestnik of Saint Petersburg University. Serii 2. History*. 2015, vol. 2, pp. 57–79. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. George Vernadsky about Soviet Russia (for publication of the article by G. V. Vernadsky "Paradoxes of Bolshevism"), *Modern History of Russia*, 2015, no. 2(13), pp. 101–132. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015, no. 2(18), pp. 152–160. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, vol. 4, pp. 5–16.
- Dvornichenko A. Yu., Belousov M. S. Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 2, pp. 358–374. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, Evraziia, 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshchaniie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' Mir, 2018, 272 p. (In Russian)
- Froianov I. Ya. *Lektsii po russkoi istorii. Kievskaiia Rus'*. St. Petersburg, Russkaia kolleksiia, 2015, 1044 p. (In Russian)
- Froianov I. Ya. O zarozhdenii evraziistva v izuchenii russkogo srednevekov'ia. *Sbornik v chest' V. K. Ziborova*. Iss. 5: Opyty po istochnikovedeniiu. St. Petersburg, Skriptorum, 2017, pp. 300–342. (In Russian)
- Gyidel E. Ob "ukrainofil'stve" Georgiia Vernadskogo, ili variatsiia na temu natsional'nykh i gosudarstvennykh loial'nostei. *Ab Imperio*, 2006, no. 4, pp. 329–346. (In Russian)
- Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Berlin, 1985, Otto Harrassowitz. Wiesbaden, Bd. 36, pp. 55–194.
- Halperin Ch. J. Russia Faces East: Eurasianism Reconsidered. *Russian History*, 2016, no. 43, pp. 69–80.
- Halperin Ch. J. Recent research on George Vernadsky. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2017, no. 10, pp. 455–470.
- Halperin Ch. J. (Re)Discovering George Vernadsky. *Journal of modern Russian history and historiography*, 2018, no. 11, pp. 134–157.
- Halperin Ch. J. *Rus' i step': Georgii Vernadskii i evraziistvo*. Ed. by Yu. V. Seleznev. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "Nauchnaia kniga", 2018, 373 p. (In Russian)
- Keep J. Review of *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Bd. 36. *Canadian Slavonic Papers*, 1985, no. 27, pp. 443–444.
- Kitaev V. A. Odisseia Georgiia Vernadskogo. *Istoricheskaia ekspertiza. Zhurnal retsenzii*, 2018, no. 3 (16), pp. 253–261. Rets.: Dvornichenko A. Yu. Russkii istorik Georgii Vernadsky. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii. St. Petersburg, Evraziia publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Kozliakov V. N. Obzor kolleksiin dokumentov G. V. Vernadskogo v Bakhmetevskom arkhive Biblioteki Kolumbiiskogo universiteta v N'iu-Iorke. *Vernadskii G. V. Russkaia istoriografiia*. Sost. i nauchn. konsul'tant k.i.n. V. N. Kozliakov. Moscow, Agraf publ., 1998, pp. 395–444. (In Russian)

- Liuks L. Kratkie zametki k diskussii o «neoevraziistve» Aleksandra Dugina i o “klassicheskom” evraziistve na saite gerfter.ru. *Zhurnal retsenzii*, 2018, no. 3 (16), pp.204–208. (In Russian)
- Sonicheva N.E. *Stanovlenie i razvitie istoricheskoi kontseptsii G. V. Vernadskogo*. Kand. diss. Moscow, Gosudarstvennaia Akademiia sfery byta i uslug publ., 1994, 250 p. (In Russian)
- Shakhanov A.N. *Russkaia istoricheskaiia nauka vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka: Moskovskii i Peterburgskii universitety*. Moscow, Nauka, 2003, 419 p. (In Russian)
- Torbakov I. Rethinking the Nation: Imperial Collapse, Eurasianism, and George Vernadsky’s Historical Scholarship. *Kenan Institute Occasional Paper*, 2008, no. 302, pp. 1–21.
- Torbakov I. Between Russia, Ukraine and Eurasia: George Vernadsky’s Search for Identity. *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union*. Eds S. Turoma, M. Waldstein. Surrey, Ashgate Publishing Limited, 2013, pp.61–83.
- Torbakov I. The Intellectual Odyssey of Georgii Vernadsky. *Between Europe & Asia: The Origins, Theories and Legacies of Russian Eurasianism*. Eds M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2015, pp. 113–136.

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2018 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2019 г.

Received: December 14, 2018

Accepted: March 12, 2019